

Сергей БОРОВИКОВ

ЗАПЯТАЯ–34

В русском жанре–94

...

Удивился тому, что Пушкин ссылается на Свифта, хоть конечно и знаю, что годы жизни английского ирландца 1667–1745, а нашего Александра Сергеевича 1799–1837, и первое издание «Гулливера» вышло задолго до его рождения, но почему-то казалось, что фантастическая мизантропия англичанина принадлежит более позднему, чем пушкинское, времени. Почему?

Решил, что исключительно из-за той неограничиваемой ниоткуда и никем свободе автора, какой в России никогда не бывало и никогда не будет.

«Большую часть своего состояния Свифт завещал употребить на создание лечебницы для душевнобольных; “Госпиталь Святого Патрика для имбецилов” был открыт в Дублине в 1757 году и существует по сей день, являясь старейшей в Ирландии психиатрической клиникой».

Да что там больницы, если у них пабы по двести лет работают.

Смешно, что при слове Swift Гугл вытаскивает банковскую систему, что в духе великого романа.

...

Сидят
папаши.
Каждый
хитр.
Землю попашет,
попишет
стихи.

В унылом чтении Нины Георгиевны строки звучали смешно, хотя в них и прямой реализм – посмотрите-ка биографии советских поэтов от самых главных до земляков-саратовцев.

А «Во весь голос?»

Встаёт перед глазами, сижу на первой парте, близко гадливое лицо, когда проговаривает «Где дрянь с хулиганом и сифилис...» Но не сама же она заменила блядь на дрянь, была наверное какая-то методичка для учителей. Да и сам лучший и талантливейший, как и дама его сердца, и даже вождь, читая её письмо, не могли же предположить, что поколениям советских школьников нехорошее уличное слово придёт прямо на урок.

В отличие от одноклассников, я бывал у Нины Георгиевны Рунич дома, так как мой брат дружил с её сыном Женей, и как-то слышал от неё, что сама мысль, что на пенсии никогда не откроет Маяковского, уже греет ей сердце.

Руничи принадлежали русскому дворянскому роду сербских корней, с именами в Саратовской губернии. Семья была замечательна тем, что состояла из школьных учителей. Отец Александр Евгеньевич математик, как и оба сына, которые женились на студентках пединститута, Лиде-филологе и Свете-математике.

Так что, обитая в развалюхе на ул. Челюскинцев, которую старые саратовцы ещё называли по-старому Часовой, однажды решили пойти в облоно за улучшением жилья. Там не сразу поверили, что в одной семье шесть дипломированных педагогов, но все-таки дали четыре комнаты на Советской, что было необходимо, так как они репетиторствовали, и нередко в каждой комнате шли свои натаски балбесов по русскому и математике. Я же ходил на занятия к Жене, который заключил, что в математике я полный ноль.

Ещё было как-то уютно, все курили «Беломор», и окурки Нины Георгиевны густо украшались жирной помадой, а Женя не обременялся портсигаром и папиросы торчали в его нагрудном кармане.

Славные, славные люди были Руничи.

Когда вспоминают брежневское время как самое из послевоенных лет безобидное, то наверное так оно и есть, только ведь и при дорогом Леониде Ильиче охранительно-карательные службы не исчезли, а кажется, там и рады были новому поводу власть потрудиться.

В начале 1971 года на моих глазах два гэбиста увезли из НИТИ Володю Карякина, который собственно и пригласил меня, выпускника филфака, в этот секретный институт, связанный с авиацией; правда в моё пребывание там копировали иноземные дождевальные машины, чтобы наладить их (конечно безлицензионное) производство на Саратовском авиазаводе под лозунгом «Мелиорация – дело всенародное». Директором института был К.А. Грачёв, заслуженный авиастроитель, в войну начальник сборочного цеха, выпускавшего истребители ЯК. Был Константин Андреевич находчивым менеджером, и когда другие только подумывали о способах маркетинга, взял замом-советником Гуревича, который создал целый рекламный отдел во главе с тоже, извините, Левиным, при котором была даже киногруппа. На отраслевых совещаниях с успехом демонстрировались киноролики Грачёва. Киногруппой руководил студент-заочник ВГИКа Карякин, был ещё оператор Митин, добрый пьяница, уволенный за слабость с Нижне-Волжской студии кинохроники, и вот меня произвели в сценаристы, пред тем очень долго проверяя анкетные данные.

Ни я, ни уведённый гэбэшниками Карякин не могли знать, что происшедшее результат того, что в декабре прошлого года председатель КГБ Ю.В. Андропов подал в ЦК КССС под грифом секретно записку «Анализ “самиздатской литературы” за 5 лет», где сообщал: *«Если пять лет назад отмечалось хождение по рукам, главным образом, идейно порочных художественных произведений, то в настоящее время все большее распространение получают документы программно-политического характера»*¹.

И вскоре по городу пошли слухи о каких-то обысках у тех, кого считали интеллектуалами, книжечьями, людьми независимыми и безбоязненными.

«Толе Катцу выступать запретили...», «Штернов с работы выгнали...», «Букиниста из города выперли...» И самый страшный – о женщине-рентгенологе, которая повесилась после обыска гэбистами её квартиры².

Правда, удалённому из консерватории Анатолию Катцу не вовсе запретили концерты, а лишь «поправили» их репертуар в надежде на его перевоспитание, и на собрании творческой интеллигенции города в ТЮЗе, зав. отделом культуры обкома Н.И. Шабанов даже произнёс историческую фразу: «Мы будем бороться с катцами за самих катцев».

Можно лишь удивляться тому, что бывший в Саратове ранее, в 1969 году, процесс по делу Группы революционного коммунизма, членом которой (Александра Романова и других) присуди-

¹ (<http://gaidar-arc.ru>)

² «17 марта 1971 г. Нина Кахчадзова была увезена с работы на допрос в КГБ после обыска, на котором нашли самиздат и листовки, распространявшиеся в московском ГУМе иностранцами. Во время допроса у нее было два обморока. В этот же день вызывали на допросы нескольких друзей Кахчадзовой. На следующее утро она повесилась» (<https://sites.google.com/site/pravozasitnoedvizienievsaratove>).

ли к реальным срокам заключения, не вызвал в городе такого шума. Хотя и ясно, что тщательное изучение марксизма вопрекор советского им манипулирования было куда опаснее для режима, чем слушание западных голосов и чтение запрещенных книг. Понятно, почему власть предпочла умолчать об арестах революционных марксистов, но почему т.н. общественное мнение так возбудилось лишь при обысках у одних и молчало при арестах других?

«Саратовское самиздатовское дело, заверченное в марте 1971 года, любопытно как учебная иллюстрация психопатической боязни властей свободного слова. У нас не было и намека хоть на какую-то формальную организацию. Никто из нас не призывал к свержению коммунистического режима, хотя никто и не питал никаких иллюзий относительно его подлинной сути. Мы лишь читали...» – вспоминал Виктор Селезнёв¹.

Не молчала и пресса. 4 февраля 1971 г. саратовская газета «Коммунист» поместила статью зам. гл. редактора В. Пролёткина «У позорного столба»², где были названы 20 посетителей книжного «черного рынка». «Шестерых автор статьи называет самиздатчиками, среди которых были начальник отдела фабрики детской игрушки Виктор Стрельников, художник кинотеатра Б. Ямпольский, работник областной детской библиотеки Ю. Болдырев, музыканты А. Катц и М. Белокрыс, преподаватель В. Нульман, врачи Сергей и Юрий Штерны и др.). Они постоянно слушали передачи зарубежных радиостанций и некоторые записывали на магнитофон, покупали произведения А. Солженицына, А. Кузнецова и т.п. не только на саратовском “черном рынке”, но и ездили в другие города за самиздатом. По ночам перепечатывали раздобытое на машинке: “Один экземпляр себе в тайник, остальные – для распространения”»³.

Букинист Юрий Леонардович Болдырев, директор единственного в городе магазина старой книги, а по существу и вольного клуба, уехав в Москву, сделался там другом и душеприказчиком Бориса Слуцкого, успешно занялся критикой. Он был настолько известен, что в 1985 году на беседе в ЦК КПСС зав. сектором печати Козловский спросил меня: «А как там ваш букинист?» Магазин враз поскуднел, и зашедший книголюб только вздыхал, вспоминая, как неотрывно стоял за ломившимся прилавком Юрий Леонардович.

Штерны Сергей и Юрий Викторовичи представители врачебной династии⁴, основатель которой был владельцем первой водолечебницы на Соборной улице, после революции как отнятой большевиками, так и оставшейся главным госпиталем всех властей до нашего времени под прозвищем партактивской.

Сергей в конце концов переехал по каким-то профессиональным каналам в Стокгольм, где благополучно врачевал благополучных шведов, и удивления достойно, что заявил там себя как талантливый переводчик шведской литературы.

В Саратове он имел репутацию первого сердцееда, живо помню, как на тюзовской премьере головы изо всех рядов дружно обратились на него, когда возник на входе в зал об руку с солисткой оперного театра Лилией Логиновой. Мы не были знакомы, но прочитав в ещё доступном Фейсбуке о его литературной работе, я предложил ему сотрудничество в «Газете Наша Версия». Ответ его был хорош и согласием, и тем, что враз отодвинул в общении наши отчества. Я успел озадачить темой Рому Арбитмана, который провёл с саратовским шведом прекрасную беседу⁵.

¹ Виктор Селезнёв. «Кто выбирает свободу. Саратов. Хроника инакомыслия 1920–1980-е годы». Под редакцией кандидата исторических наук В. М. Захарова. Саратов, 2012.

² Газетную вырезку переехавшему в Москву Боре Фаликову отец прислал с припиской: «И ты мог там оказаться».

³ <https://sites.google.com/site/pravozasitnoedvizenievsaratove>

⁴ Н.Е. Штерн – основатель первого в России общества рентгенологов в Саратове и второй в России кафедры рентгенологии. В.Н. Штерн, организатор Всероссийского съезда рентгенологов в Саратове после 13-летнего перерыва. С.В. Штерн работал ассистентом кафедры и врачом рентгенологом. Имеет всемирное признание. (medconfer.com/node/19692).

⁵ Сергей Штерн: «Не люблю слово “элита”». Наша версия N41 (98) 5 ноября 2010.

А с Толей Катцем мы сблизились благодаря Ельцину-Зюганову в их выборную кампанию 1996 года, когда второму едва не удалось отнять президентство у первого. В рамках той борьбы, поставившей только-только причувашуюся к демократии страну, в яростное противостояние, в Саратов под популярным антизюгановским лозунгом «Голосуй или проиграешь» прибыла группа поддержки Ельцина: писатель Фазиль Искандер, пианист Николай Петров, киноактёр Юлиан Панич. Было собрание в филармонии, где сюрпризом объявили новых членов Академии русской современной словесности (АРС'С), в т.ч. меня и Катца. Ерунда, разумеется, зато мы стали периодически общаться. Редкого обаяния был человек.

Ну, а Карякина я знал с тех пор, как тот стал мужем нашей всеобщей одноклассницы Таньки Личман. Открыл справку о нём как члене Союза журналистов, где пропущены 69–72 годы, т.е. как раз время НИТИ, а затем пошёл юмор вроде «1976–1977 гг. – администратор филармонии», и даже режиссёр Нижне-Волжской студии кинохроники. Отмечу, что в постсобытийных разговорах «самиздатчики» именно Карякина называли как сдавшего остальных на допросах, во что я верю, зная его неограниченную приличиями бзделоватость. Когда я спросил его, правда ли, он лишь ухмыльнулся.

Виктор Макарович Селезнёв был из всех известных мне саратовцев наиболее последовательным и твёрдым противником власти. Служил он в кинопрокате, главным же было изучение жизни и творчества А.В. Сухова-Кобылина, и, думаю, в творениях неистового врага чиновных взяточников и казнокрадов он подкреплял собственные убеждения. Горжусь, открывая том «Дело Сухова-Кобылина»¹, надписью: «Дорогому Сергею Григорьевичу Боровикову – редактору замечательного журнала “Волга”, так щедро печатавшего материалы о Сухово-Кобылине.

Признательные Е.О. Селезнёва, В.М. Селезнев
27.03.03.»

В самом деле, не отказывал я в их публикациях, высоко ценя феноменальный талант русского драматурга-аристократа, да и писали Селезнёвы весьма качественно.

А в том семьдесят первом я подал в НИТИ заявление *по собственному*, к чему там отнеслись как бегству из-за увольнения Карякина, о чём мне, подписывая отходные бумаги, сказал сам зам. начальника директора по режиму с говорящей фамилией Строев. То, что я, даже теряя в зарплате четвертной, уже договорился о приёме меня корректором в редакцию журнала «Волга», конечно об этом не сказал. Тем более что заметно потеплело. Видимо, саратовские дзержинцы-держимордовцы перестарались, и, конечно, самоубийство Нины Кахчадзовой их ретивость уняло. Но брызги ещё долго летели. Как-то всех работников редакции главный наш Шундик собрал себе в кабинет для встречи с начальником саратовского управления КГБ генерал-майором В.Т. Васькиным и Василий Тимофеевич дружелюбно, как своим людям, рассказал нам о глобальном нашествии вражьей пропаганды через самиздат. Саратовских революционных марксистов он даже не поминал, зато в доступных ему красках расписал кампанию самиздатчиков, где собирались, чтобы «смаковать клеветническую информацию, почерпнутую из радиопередач» (я записывал за ним), декламировали почему-то «при погашенном свете стихи *Пастернака*». Слушая его ахиною, я вспоминал, как в нашем корпусе филфака-истфака рассказывали, как у Васькина-сына с истфака сперли ондатровую шапку, а когда он пришёл в такой же, увели и её, и он надел-таки кроличью.

”

Киру Кагана я знал с его рождения, так как часто общался с его матерью. Если хотите себе представить Наташу Каган, вообразите добрейшую и общительнейшую тридцатилетнюю еврейку, для которой, ну, скажем точное название первого фильма Тарковского важнее всего на белом

¹ М.: Новое литературное обозрение, 2002.

свете. Была она единственным у нас киноведом, потом появился Володя Семенюк. Мужа у Натальи никогда не было, а отцом оказался Сергей Штерн¹.

Киру растили бабушка с бабушкой, а мать занималась эстетическим воспитанием. Впечатлительный мальчик тянулся за мамой и так случилось, что однажды она подвела его к Алексею Герману. Интервью с мастером оказалось удачным, вышло в популярном столичном издании и погубило парня, который во всю недолгую дальнейшую жизнь ничего не хотел, кроме как без конца брать интервью у знаменитых режиссеров, в поисках встреч с которыми он уехал в Москву и вдруг там женился.

Когда очень скудная в средствах Наташа приходила ко мне в редакцию для звонков в Москву², я вскоре выходил из кабинета, не в силах слушать её бесконечные «А ты? А она? А в Останкино?»

В конце концов Кира вернулся в Саратов. И спустя недолгое время Наташа уже делилась новым: «Можешь себе представить: трижды попал в вытрезвитель! А мы с ним Бродского вслух читали, Цветаеву».

Потом я встречал его у Слаповского не в том, описанном в его романах старом доме на Мичурина (М.Сергиевской), а в квартире во дворе Дома книги. Добрые Слаповские подкармливали Киру, даже в куртке он был с Лёшиного плеча. Потом Лена умерла, и на её девятый день я застал там Киру. Он так хватался за стакан, что старый Иван Александрович Слаповский, из крепкого племени красных директоров, жалостливо ему советовал: «Ты уж закусывай...»

Умер, слава богу, дома у бабушки-бабушки.

2025

¹ Надя Рейн так скажет о внебрачном ребёнке своего мужа: «От одного ебка».

² В то время междугородный разговор стоил приличных денег.